

АРХИВ
ARCHIVE

УДК: 27

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10

Покровская Т. Ю. | Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века
в селах Черноземья России

Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1,
119034, Россия; tatiana.pokrovskaya@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье на основе глубинных интервью с очевидцами и участниками событий насильственной секуляризации 20–30-х годов XX века автор анализирует религиозность и феномен религиозной памяти крестьянства после введения запретов советской власти на религиозные практики. В материале констатируется, что декреты новой власти, нацеленные на борьбу с Русской православной церковью, ошутимо затронули религиозную жизнь верующего населения России. В материале приводятся комментарии жителей сел Корочанского, Касторенского, Ракитянского районов современных Белгородской и Курской областей, на основе которых можно сделать выводы, что, хотя религиозность крестьянства активно вытеснялась декретами новой власти, крестьянство оставалось верующим и религиозным классом населения. Православная вера в крестьянской среде сохранялась, а религиозная память берегла и передавала православные обычаи, традиции и поведение последующим поколениям крестьянства Черноземья России.

Ключевые слова: национальное самосознание; религиозное сознание; память; религиозная память; христианство; православие

Для цитирования: Покровская Т. Ю. Религиозная память крестьянства в 30-х годах XX века в селах Черноземья России // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 108-117. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10

T. Yu. Pokrovskaya | Religious memory of the peasantry in the 1930s in the villages
of the Black Earth Region of Russia

Moscow State Linguistic University, bld.1, 38 Ostozhenka St., 119034, Russia;
tatiana.pokrovskaya@gmail.com

Abstract. In the article, on the basis of the first decrees of the Soviet government, is analyzed the level of religiosity of the peasant class after the Bolsheviks introduced bans on religious activity in the 20-30s of the 20th century in Russia. In conclusion, the religious consciousness of the peasantry in the Kursk region in the 30s of the 20th century is

briefly analyzed. The author says that the peasantry remained a religious class and religious memory passed the orthodox religion to subsequent generations.

Key words: national consciousness; religious consciousness; memory; religious memory; Christianity; Orthodoxy

For citation: Pokrovskaya T.Yu. (2022), "Religious memory of the peasantry in the 1930s in the villages of the Black Earth Region of Russia", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (1), 108-117, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-1-0-10

«Посредством памяти нация удостоверяется в собственной истории... Прошлое является не только объектом изучения, который можно положить в архив; вкупе с опытом, воспоминаниями, чувствами и различными элементами идентичности прошлое тесно связано с настоящим и будущим...» (Ассман, 2016: 28-29).

В начале XX века Русская православная церковь (далее РПЦ) представляла собою внушительную силу (см.: Шубин, 2017). К переломному 1917 году РПЦ имела очень сильные социально-политические и экономические позиции. 70 % населения исповедовали православие, имелось 78 767 храмов и часовен, 185 духовных училищ, 62 духовные семинарии и 4 духовные академии (см.: Шкаровский, 2010: 60). Публикация в конце 1917 года проекта Декрета Совета народных комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» стала полной неожиданностью для населения России. Захватив государственную власть, большевики не вполне были подготовлены к вопросу дальнейшего рационального и продуманного развития отношений с Церковью. Декрет Совета народных комиссаров о свободе совести, церковных и религиозных обществах был принят 20 января (2 февраля) 1918 г., исключив тем самым русское духовенство из жизни страны (см.: Декрет..., 1957). Для нового правительства сопротивление населения страны Декрету об отделении Церкви от государства стало неожиданностью; прежде всего, было удивительно недовольство огромной части крестьянства России (см.: Одинцов, 1991). Претворение Декрета

в жизнь так же затрудняло и отсутствие профессиональных кадров, недопонимание и различное толкование новых законов местными властями. Ленин исходил из презумпции реакционности религии и духовенства. В программе РКП(б), разработанной под руководством Ленина и принятой в 1919 году, подчеркивалось, что партия стремится к полному разрушению религии (см.: Проскурина, 2008). Конституция РСФСР, принятая 11.05.1925 года, в ст. 4 подтвердила положение об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, а также закрепила свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды (Конституция РСФСР 1925 года, 2009). В статье «О значении воинствующего материализма» (1922) Ленин дает рекомендации по ведению борьбы с религией: «необходимо совмещать атеистическую пропаганду среди верующих и воинствующую борьбу с духовенством» (цит. по: Проскурина, 2002). Ленин считал, что необходимость декретов данного периода вызвана потребностью наметить пути развития социализма, причем он и сам допускал, что некоторые положения в них могут быть ошибочными, невыполнимыми, и не выдержат испытания временем (см.: Одинцов, 1991). 8 апреля 1929 года было принято Постановление «О религиозных объединениях» (Ведомости ВС РСФСР. 1975. № 27. С. 572), которое более чем существенно повлияло на религиозность населения страны в целом и поведение крестьян в частности.

В рамках Постановления ВЦИК от 08.04.1929 года деятельность религиозных объединений «для удовлетворения религиозных потребностей верующих» была

строго регламентирована. Не стоит забывать, что данный период, помимо борьбы с религиозностью, также характеризуется другими социальными потрясениями. Репрессии по отношению к духовенству, общая коллективизация и раскулачивание, голод 1933 года, который унес жизни великого множества жителей всего Курского региона. Помимо правового запрета на религиозную деятельность, исключения духовенства из социальной жизни, массового закрытия церквей советская власть в 20–30 гг. XX века проводила активную антирелигиозную политику в СМИ. В публикациях негативно отражалась деятельность духовенства, а также транслировалось общее отрицательное отношение власти к религии, церковным праздникам, православной вере и пр. Партия в насаждении нового мировоззрения «коммунистического будущего» смешивала представленный партией негативный образ духовенства и религии в целом с негативным образом кулака (Белгородская правда, 1929, 6 января). Конечно, все вышеуказанные события коснулись и Корочанского, Касторенского и Ракитянского районов настоящих Белгородской и Курской областей.

Приведенные в данной статье предварительные результаты глубинных интервью, собранных автором на протяжении 2016–2017 годов, могут помочь приблизиться к пониманию особенностей религиозного сознания и образа жизни крестьянства в 30-х гг. XX века и их отношения к православной вере в рамках представленных районов. Выборка респондентов основана на времени и месте рождения, а также месте постоянного проживания респондентов, а именно, в интервью участвовали респонденты 1912–1933 годов рождения. Всего в опросе приняли участие более 80 человек из 35 сел современных Белгородской и Курской областей. Все респонденты рождены и проживали на территории

вышеуказанных районов. С согласия участников велась аудиозапись разговора. Период проведения исследования охватил время с мая 2016 г. по сентябрь 2017 г. включительно¹.

Поколение, с точки зрения А. Ассман, сменяется каждые 30 лет, и в обществе тем самым осуществляется некоторая динамика воспоминаний поколений. «Каждое поколение вырабатывает собственное отношение к прошлому... возрастные группы отличаются видением мира» (Бурдые, 2014: 24), но в данном случае мы говорим о религиозной памяти, которая определяется не только общими воспоминаниями, трансляцией опыта и поведением, но также передачей и принятием религиозных традиций и обычаев из поколения в поколение. Советская власть стремилась очистить коллективную память от религиозного опыта и традиций.

Часто незнание или недопонимание новых постановлений местными властями и их последующая реализация приводили к волнениям и последующим беспорядкам в Курской губернии.

«У меня дед попом был церкви в с. Самойловка (Ильинская церковь, закрыта в 1936 г.²). Сколько раз приходили, допрос снимали... спрашивали – сколько тебе платили... потрепали нас», – Мария Ивановна, с. Круглый Бродок, 1922 г. р.

«Тогда церкви стали уничтожать... мать рассказывала, свекровь, еще в 29-м году... на батюшке молодежь ездила, издевались над им... и били... что только не делали... Никто никому не подчиняется... Так и тогда было... Что ты сделал, убил – убил, никто не запрещает, никто ничего. Это жизнь была трудная», – Федор Никитович, с. Большое, 1929 г. р.

«Купола снимали, кресты снимали (респондент говорит о деревянной

¹ Полевые материалы автора, 2016–2017 гг.

² Государственный архив Курской области (далее ГАКО), ф. 3322, оп. 4, д. 4

Дмитриевской церкви с. Подъяруги, закрыта в 1935 году³)... *А когда церковь превратили в клуб... Некоторые с удовольствием ходили, и танцевали там, и выпивали...*», – Клавдия Михайловна, с. Подъяруги, 1926 г. р.

«Некоторые женщины были активисты, по иконам танцевали, плясали...», – Клавдия Михайловна, с. Подъяруги, 1926 г. р.

Стоит отметить, что организация в зданиях церквей развлекательных заведений на тот период не являлась чем-то особенным. В рамках данного опроса было установлено, что в церквях нескольких сел в разные периоды были организованы: развлекательные клубы, библиотеки, зернохранилища и другие казенные заведения в соответствии с Постановлением от 08.04.1929 года «О религиозных объединениях». При этом в 30-е годы в Черноземье закрытие церквей происходило стихийно. В Курской области в 1935 году по решению президиума облисполкома было закрыто 202 церкви, в 1936 году – 137, в 1937 – 91, в 1939 – 76 церквей^{4,5}. Периодически закрытие церквей местными властями происходило без правового согласования. В 1935 году, по данным ГАКО, в письме от Президиума центрального исполнительного комитета комиссии по вопросам культа говорится о произведении по г. Белгороду и району массового закрытия церквей без должного законного оформления и санкционирования ликвидации⁶.

Даже после всех запретов и массового закрытия церквей крестьянство в своей общей массе в 30-х гг. XX века оставалось глубоко религиозным и богобоязненным классом населения.

«Мама меня водила причащаться...», – Мария Ивановна, с. Коломыцево, 1927 г. р.

«Я была маленькой еще, мать водила в церковь, мы ходили в церковь... Сломали нашу церковь и все...» (респондент говорит о закрытой в 1935 г. Дмитриевской церкви с. Подъяруги).

«Было время... в другое село ходили, когда в своем не было...», – Федосья Николаевна, с. Подъяруги, 1922 г. р.

«Нас четверо детей было... нас мама в церковь водила, причащала...», – Софья Ивановна, с. Александровка, 1925 г. р.

«Я с мамой в церковь ходила...», – Анна Ивановна, г. Короча, 1925 г. р.

Даже с учетом того, что действующих церквей к 1940 году в перечисленных районах оставалось не так много, большая часть респондентов трех районов при условии закрытия церкви в родном селе совместно с семьей посещали любые другие близлежащие церкви. До революции Курская область насчитывала 1250 действующих церквей и очень много монастырей, как мужских, так и женских⁷. К 1937 году по Курской области действовала уже 561 церковь⁸. При этом, например, в Касторенском районе население путем переговоров и активной переписки с властями, вплоть до переписки с московским ЦИК комиссии по вопросам культа, старалось возвращать верующим церкви, ранее закрытые постановлениями РИК⁹. Один из символов христианской религии – «церковь» – была разрушена, но вера жила. Хотя количество церквей по сравнению с дореволюционным периодом уменьшилось более чем в два раза и посещение церквей крестьянами происхо-

³ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 1, л. 3

⁴ ГАКО, ф. 3322, оп. 2, д. 6, л. 2-8 с об., л. 9-14, л. 12-13 с об.

⁵ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 10, л. 5 с об.

⁶ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 12, л. 140, 141.

⁷ ГАКО, ф. 5027, оп. 2, д. 5, л. 14.

⁸ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 4, л. 94, л. 95, л. 96.

⁹ ГАКО, ф. 3322, оп. 4, д. 9, л. 48.

дило реже, но, как и ранее, крестьяне в обязательном порядке крестили своих детей. Крещение оставалось обязательным таинством при рождении ребенка в семье. Только теперь крещение проходило не непременно в церквях, которые по большей части были или закрыты, или превращены в казенные места общего пользования, но и в частных домах. Крестьяне заранее по соседям собирали сведения, когда священник придет в село. Часто, чтобы совершить обряд, ездили в другие села, подальше от дома, чтобы о крещении в селе никто не знал – «ни свои, ни чужие».

«Мы своих детей крестили по хатам... В хуторе Кленовом, в хате, приехал, говорят, батюшка, можно покрестить детей. Мы схватили, у нас как раз было три младенца... и батюшка покрестил... Народ все равно в душе держался религии. Люди все равно... некоторые, кто мог, в дальние церкви ходил... Люди не отчуждались от религии совсем, все старались детей покрестить...», – Клавдия Михайловна, с. Подъяруги, 1926 г. р.

Детей крестили как «рядовые» крестьяне, так и партийные, но тайно, часто в другом селе или даже области.

«Партийные тайно крестили...», – Анна Ивановна, с. Жданово, 1925 г. р.

Иногда, если глава семьи занимал даже небольшую партийную должность, обряд крещения мог происходить в тайне не только от соседей и семьи, но и от супруга.

«Комсомольцам сказали детей не крестить... Государство приказало... Так крестили тайком... Узнают, кто покрестил, говорили, что оштрафуют... но все равно крестили... в церкви», – Мария Ивановна, с. Круглый Бродок, 1922 г. р.

Человеческий страх, что власти узнают о крещении и за этим последуют

санкции, сохранялся вплоть до 90-х годов XX века. Как минимум, при крещении крестьяне старались не вести записей имен родителей и/или крестных родителей ребенка. Однако в регионе, как в начале XX века, так и по настоящий момент сохраняется культ крестных. Все респонденты хорошо знали своих крестных родителей и в основном поддерживали отношения. При сравнении отношения к крещению крестьян в трех районах можно отметить, что в 30-е годы XX века в Ракитянском районе крестили в основном по домам в строгой тайне от властей и соседей. В Корочанском же районе часто возили детей на крещение в церкви других сел. Касторенский район отличается более спокойным отношением к запретам власти. Жители данного района старались вести, как и ранее, относительно открытую религиозную жизнь.

Часто, если супруг занимал некую партийную должность и был атеистом, а супруга оставалась верующей, «хозяин» (так называют и до настоящего времени в регионе главу дома. – Т. П.) не запрещал супруге, своим родителям совершать религиозные обряды, отмечать церковные праздники, посещать церковь и учить собственных детей молитвам (Вера Тимофеевна, с. Большая Халань, 1926 г. р.; Анна Павловна, г. Короча, 1922 г. р.). То есть внутри своей семьи, как и ранее, крестьяне продолжали вести хоть и не такую активную, но вполне традиционную религиозную жизнь (Елизавета Сергеевна, с. Большое, 1912 г. р., Александра Ивановна, с. Хмелевое, 1931 г. р.). Также надо учитывать, что, даже не будучи, по указанию партии, религиозными людьми, некоторые ярые коммунисты все же веровали в Бога, хотя и тайно. Отец одного из респондентов в 20–30-х годах занимал высокий партийный пост в г. Короча и вместо веры имел свой собственный «моральный кодекс атеиста», но после ссоры с товарищем по партии, драки и последующих нескольких лет тюрьмы, вернувшись домой, осмысляя проведенные в заточении годы, говорил: *«Я поверил в*

Бога. Меня спас Бог!», – говорит о своем отце Анна Павловна, г. Короча, 1922 г. р.

В отличие от старшего поколения, к которому вера переходила от предков, поколение крестьян, рожденных в 20-х годах, получало антирелигиозное воспитание уже в школе.

«Учителя говорили, чтобы в церковь мы не ходили, это неправильно», – говорит Мария Дмитриевна, с. Большая Халань, 1922 г. р.

В основном учителя сельских образовательных учреждений активно поддерживали новую коммунистическую власть в вопросах религиозности учеников, хотя и учителя были воспитаны в православной вере, и часто их родители оставались религиозными.

«Учителя говорили, чтобы мы в церковь не ходили. Это неправильно. Да и когда взрослая стала, учительницей работала, своим ученикам твердила: ребята, нельзя в церковь ходить. Вы – пионеры! И чтобы яичко крашенное после Пасхи в школу не носили...», – Мария Дмитриевна, с. Большая Халань, 1922 г. р.

«Моя мама всегда молилась... в церковь ходила... и мне, ребенку, это прививалось. Я уже работал учителем, но ученикам говорил, что Бога нет... я комсомолец был рьяный... Я принял ту власть. Когда из церкви нашего села сделали клуб, я был заведующим того клуба... Из алтаря сцену сделали... 50 % населения села ходили в этот клуб, а 50 % – даже не подходили. Моя мама была очень верующим человеком. Ни разу в клуб, который сделали из церкви, не зашла. Ни мама моя, ни бабушка...», – Иван Иосифович, п. Вешние Пены, 1931 г. р.

«Отгоняли нас в школе от этой веры...», – Мария Денисовна, с. Орехово, 1927 г. р.

Необходимо обратить внимание, что в Ракитянском районе, по сравнению с Корочанским районом, действия по снятию колоколов с церкви, а также закрытие самих церквей происходили активно в единый период, что, конечно, вызывало недовольство населения, но не приводило к активным массовым волнениям и протестам. В Корочанском же районе закрытие церквей занимало, по оценке общего объема интервью респондентов, более длительный период и проходило, сопровождаясь более негативным настроением населения.

Основными хранителями религиозных традиций в 30-е годы XX века оставались женщины. Именно женщины поддерживали те правила, которые в их домах чтили на протяжении многих лет, и передавали веру своим детям, украшали дом к церковным праздникам, готовили праздничный стол, учили детей молитвам, как могли объясняли детям значение слова «Бог», вкладывая в него как минимум тот смысл, что жить надо по совести.

«Мама говорила, что Бог есть, что нельзя этого делать, это плохо, Бог накажет, а только хорошо поступать надо, не баловаться. Не обижать людей...», – Мария Дмитриевна, с. Большая Халань, 1922 г. р.

Иногда к вере приводили, объясняя ребенку какие-либо события через чудо.

«Вся сила в религии... С моей бабушкой идем, ведет она меня, дошли до церкви. А наверху (церкви) березка растет. Я говорю: бабушка наверху березка растет (имея ввиду, что деревце растет без земли). Ой, говорит, деточка, ты же ангел, ты увидела эту березку, подумай, нет земли, нет ничего, а березка на церкви растет. А маме моей вера давала силу. Как и всем. Вообще человек без веры жить не может», – Анна Павловна, г. Короча, 1922 г. р.

Молитвы «Отче наш», «Богородице Дево» и «Символ Веры» («Верую») поколение детей, родившихся в 20–30-х годах, знали с младенчества.

«Мама говорила, что молиться надо...», – Софья Ивановна, с. Александровка, 1925 г. р.

«Дедушка, бывало, папин отец, поставит нас маленьких, заставлял нас молиться...», – Софья Ивановна, с. Александровка, 1925 г. р.

Иконы крестьяне продолжали хранить в домах. *«Иконы мы не прятали...»*, – Клавдия Михайловна, с. Подъяруги, 1926 г. р. В 30-е годы при разрушении храмов крестьяне в попытках сохранить частичку святости тайком от властей старались унести (по сути, украсть) церковные иконы и спрятать дома. Иконы из церквей сел Пестаново, Коломыцево, Дмитриевка так же, как и из небольшой деревянной церкви в селе Подъяруги, крестьяне прятали по домам.

«Я вот небольшой была, помню, как ломали ее (церковь села Коломыцево), и все ж там тащили иконы домой... мы с мамой взяли по иконке. И догнал нас мужчина, и взял вот так ключом разорвал, деревянные иконы были, сверху нарисованы лики были... красиво было... как я плакала...», – Мария Ивановна, с. Коломыцево, 1927 г. р.

Если крестьяне были замечены в том, что хотят унести церковные иконы домой, иконы отбирались силой и уничтожались прилюдно.

«В эти годы (когда ломали церковь села Коломыцево) икону, которая снаружи была прибита к церкви, они (партийные) положили на землю, нас (деревенских жителей) поставили строем и заставили топтать ногами икону ... Половина прошли, а половина разбежались», – рассказывает

очевидец Петр Михайлович, с. Коломыцево, 1915 г. р.

«Иконы в доме и держали, и держим. У меня до сих пор есть от матери и отца “благословение”», – Александра Ивановна, с. Хмелевое, 1931 г. р.

Из трех исследуемых нами районов только в Касторенском районе респонденты упоминали, что власти периодически запрещали держать иконы в доме.

«Ходили, проверяли, снимай иконы или уничтожай при нас... люди возмущались... во всех хатах были иконки...», – Серафим Ефремович, с. Семеновка, 1927 г. р.

Иконы, как часть религиозной традиции православия, всегда, при любых условиях, в каждой семье оставались в доме. 100 % респондентов подтвердили, что иконы были в семье всегда, т. е. как минимум с момента рождения респондентов и до начала данного опроса также присутствуют в домах. Особенно в регионе почитаются иконы Божьей Матери и Николая Чудотворца. Нательные крестики чаще не носили, но старались хранить дома. После десекуляризации в 90-х годах крестики стали носить постоянно.

Как бы строг ни был запрет на религиозную деятельность, Пасха, Рождество, престольные праздники во всех селах каждого из трех районов отмечались всегда. По большим церковным праздникам крестьяне украшали свои дома согласно традициям и обрядам, приглашали в гости родных и соседей, ездили по приглашению близких в другие села. Например, на Троицу обычай засыпать пол дома определенным видом полевой травы и украшать дом и двор веточками клена, орешника или березы сохранен в области до настоящего времени. На Пасху крестьяне, иногда много километров ночью с маленькими детьми, часто босые, шли освящать куличи в любую из действующих церквей.

«Я была девчушкой уже, на Пасху стою всю ночь, носила и святила яйца, куличи...», – Мария Ивановна, с. Коломыцево, 1927 г. р.

«Мама меня в церковь водила на Пасху куличи святить, ночь стояли... на следующий год нашу церковь закрыли... приехали, сделали из церкви мастерскую, а потом совсем разломали...», – Серафим Ефремович, с. Семеновка, 1927 г. р.

В отличие от Корочанского и Ракитянского района, в Касторенском районе на Троицу деревенские жители устраивали массовые гуляния, с песнями, хороводами и плетением венков.

Также у Бога просили и урожая. *«Помню, маленькой была... дождя долго не было. С батюшкой по деревне ходили, распевали, кадил он... "Христос Воскресе" пели. И, правда, через день дождь пошел...»*, – Александра Гавриловна, с. Погожево, 1931 г. р.

По словам П. Бурдые, «вследствие того, что религия, подобно любой символической системе, несет функцию объединения или разъединения, или, говоря точнее, функцию различения...» (Бурдые, 2014: 24), религия в рамках насильственной секуляризации и других социальных потрясений послереволюционного периода стала для крестьян объединяющей формой сохранения традиционной жизни. Крестьяне старшего поколения берегли религиозные традиции и, несмотря на запреты власти, передавали их последующим поколениям. 100 % респондентов данного опроса называют себя православными и верующими. Вера в Бога в этом поколении сохранялась на протяжении всей жизни. У Бога не только просили здоровья себе и близким, рождения детей, удачного замужества и сохранения мира, но и благодарили, к примеру, за счастливые моменты жизни.

Переживание религиозного опыта, а также его трансляция как «передача уже

имеющегося опыта последующим поколениям» (Соломина, 2005: 16) происходила непрерывно. Даже в рамках насильственной секуляризации и запрета на религиозную деятельность крестьяне, рожденные в 20–30-е годы XX века, не только приняли и сохранили религию и веру, которые были им переданы старшим поколением, но и старались передать веру и религиозные традиции своим детям и внукам. «Религиозность представляет собой особую форму мышления и мировоззрения» (Панченко, 1998: 8), и крестьянство, опираясь в своей повседневной жизни на религию, доказывает это как никакой другой класс нашего общества. М. Хальбвакс говорит, что религия «определяется через особый вид памяти» (Хальбвакс, 2007: 22). Культурная память близка коллективной, но значительно шире ее; в отличие от последней, культурная память не предполагает мнемонического коллектива. Некоторые ученые отвергают термин «коллективная память» (см.: Ассман, 2016), но данное исследование показывает, что, основываясь на общих обычаях, члены определенного класса путем сохранения традиций в узком социуме (семья-деревня), транслируя личный религиозный опыт и религиозное поведение, создают тем самым не коллективную, а религиозную память. Религиозная память, сохраняя себя в действии – молитве, соблюдении поста, посещении церкви и др. – не только бережет религиозные традиции и обычаи, но и передает их последующим поколениям.

Хотя религиозность крестьянства, как видно на примере Корочанского, Касторенского и Ракитянского районов, подавлялась, православная вера в крестьянской среде сохранялась. Из Церкви как из социального института вера перешла в институт семьи. Несмотря на новые правила по отношению к религии, крестьяне в общей массе стремились не только максимально сохранить свою веру, православные традиции и обычаи, но и передать их последующим поколениям. Религиозное образование происходило и через активное обучение, и часто,

в новых условиях запрета, через собственный пример: старшее поколение транслировало религиозное поведение и обычаи без активного включения младших. Обряды крещения производились всегда, и часто в тайне, так же, как и празднование церковных праздников, соблюдение православных постов, чтение молитв. Религиозные традиции среди крестьянства сохранялись старшим поколением и, несмотря на запреты власти, принимались и почитались последующими поколениями. Не только респонденты данного опроса, но также их дети и внуки являются православными, крещены, сохраняют иконы в домах, чтят церковные праздники, посещают церковь, называют себя верующими. Религиозная память сохраняла религиозные традиции, обряды, ритуалы, а также традиционную православную веру для последующих поколений крестьян Черноземья России.

Источники

Государственный архив Курской области (ГАКО), фонды 3322, 5027.

Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 02.02.1918 г. // Декреты Советской власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 371-374.

Конституция РСФСР 1925 года // Хрестоматия по истории отечественного государства и права: форма государственного единства в отечественной истории XX века / сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутьина. М.: Юрайт; Высшее образование, 2009. С. 225-242.

Покровская, Т.Ю. Полевые материалы автора, 2016–2017 годы.

Литература

Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.

Бурдье, П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетея, 2014, 576 с.

Одинцов, М.И. Государство и Церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М.: Знание, 1991. 64 с.

Панченко, А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святые

Северо-Запада России. СПб.: Алетея, 1998, 305 с.

Проскурина, А.В. Политика советской власти в отношении религии и церкви в деревне Северо-Запада России в конце 1920-х – 1930-е гг. Автореф. дис. ... канд. исторических наук, 2002 [Электронный ресурс], URL: <https://www.dissercat.com/content/politika-sovetskoi-vlasti-v-otnoshenii-religii-i-tserkvi-v-derevne-severo-zapada-rossii-v-ko> (дата обращения: 10.03.2022).

Соломина, И.Ю. Социальная память: структура и феномены. Дис. ... канд. философских наук. Самара, 2005. 216 с.

Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече: Лепта, 2010. 478 с.

Шубин, А. Старт страны Советов. Революция. Октябрь 1917 – март 1918. СПб.: Питер, 2017. 447 с.

Sources

“Decree on freedom of conscience, church and religious societies of 02.02.1918” (1957), *Dekrety Sovetskoy vlasti. Tom 1. 25 oktjabrja 1917 g. – 16 marta 1918 g.* [Decrees of the Soviet power. Vol. 1. October 25, 1917 – March 16, 1918], Gospolitizdat, Moscow, Russia, 371-374 (in Russ.).

Pokrovskaya, T. Yu. Field materials of the author, 2016-2017 (in Russ.).

State Archive of the Kursk Region (GAKO), funds 3322, 5027 (in Russ.).

The Constitution of the RSFSR of 1925, (2009), *Reader on the history of the domestic state and law: a form of state unity in the national history of the 20th century*, comp. O. I. Chistyakov, G. A. Kutysin, Yurait Publishing House, Higher Education, Moscow, Russia, 225-242 (in Russ.).

References

Assman, A. (2016), *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New dissatisfaction with memorial culture], *New Literary Review*, Moscow, Russia (in Russ.).

Bourdieu, P. (2014), *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices], *Aletheya*, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Halbvaks, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory], *Transl. by*

Zenkina, S. N., Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Odintsov, M. I. (1991), *Gosudarstvo i Tserkov' (Istoriya vzaimootnosheniy 1917–1938 godov)* [State and Church (History of relationships 1917–1938)], Znaniye, Moscow, Russia (in Russ.).

Panchenko, A. A. (1998), *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia], Aletheya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Proskurina, A. V. (2002), “The policy of the Soviet government in relation to religion and the church in the village of the North-West of Russia in the late 1920 – 1930-s”, Abstract of Ph.D. dissertation [Online], available at: <https://www.dissercat.com>Ведомости/content/politika-sovetskoi-vlasti-v-otnoshenii-religii-i-tserkvi-v-derevne-severo-zapada-rossii-v-ko (Accessed 10 March 2022) (in Russ.).

Shubin, A. (2017), *Start strany Sovetov. Revolyutsiya. Oktyabr' 1917 – mart 1918* [Start of the country of the Soviets. Revolution. October

1917 – March 1917], Piter, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Solomina, I. Yu. (2005), “Social memory: structure and phenomena”, Ph.D. Thesis, Samara (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Покровская Татьяна Юрьевна, соискатель кафедры теологии, Институт гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, г. Москва, 119034, Россия; tatiana.pokrovskaya@gmail.com.

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana Yu. Pokrovskaya, PhD Student of the Department of Theology, Moscow State Linguistic University, bld.1, 38 Ostozhenka St. Moscow, 119034; tatiana.pokrovskaya@gmail.com.